

АЛЕКСАНДРА ЛАХТИНЕН

Хвост
Аврора

АЛЕКСАНДРА
ЛАХТИНЕН

Хвост Аврора

ХУДОЖНИК
НАТАЛЬЯ ПЛЕШКОВА

* В СТРАНЕ БОРЕАЛИС *

АЛЕКСАНДРА
ЛАХТИНЕН

Хвост Авроры

ХУДОЖНИК
НАТАЛЬЯ ПЛЕШКОВА

Москва

Самокат

Маме
А. Л.

За десять лет до этой истории,
или
Трагедия

В высоком поварском колпаке и длинном, до пят, фартуке бог грома и молнии Укко суетился вокруг огромной картофельной запеканки. Как обычно, она напоминала карту Финляндии. Верхнюю — северную часть карты Укко щедро засыпал сыром, и запеканка покрывалась белыми, будто снежными, хлопьями. Нижнюю её часть предстояло сбрызнуть маслом — а заодно полить дождями реки и озёра на юге страны, чтоб не замёрзли раньше времени. Так, а что у нас там слева, в Остроботнии? Не пора ли столицу её, Сейняйоки, тоже сыром припорошить?

*Лью на юг дождей потоки,
Сыплю снег на Сейняйоки.*

И тут же, рядышком, чуть поправее да повыше — Лиеска, родная деревня, осталась для неё-то хоть горстка сырных хлопьев? Осталась... Ноябрьская запеканка — дело непростое и ответственное. Каждой её части полагается своя погода, а каждой погоде — свой ингредиент.

*Где чеснок в снежок воткнётся,
Всё от грома содрогнётся!*

— И куда ж мне этот гром вместе с грозой в ноябре пристроить... — Укко задумчиво вертел в руке головку чеснока.

— Фьюи-фюи-и-ить!

Укко улыбнулся: так пронзительно свистеть умеет только...

— Кюллики! — Он распахнул входную дверь. На пороге сидела крохотная мышь в белой вязаной безрукавке. — Знал бы, что заглянешь в гости, выпустил бы солнышко сегодня на подольше. Осторожно, запеканка!

Впрочем, Кюллики в указаниях не нуждалась. Мышка прошмыгнула внутрь пещеры и, ловко перепрыгивая через банки, кружки, рассыпанные луковичицы и обегая масляные лужи, устремилась поближе к печи, где полыхал огонь.

— Хочешь сырку? Только сыр у меня, знаешь ли, волшебный, морозит немножко. Так что ты сперва отогрейся, — хлопотал Укко вокруг своей гостыи.

Но Кюллики было некогда: она уже взобралась на плечо Укко и быстро-быстро шептала ему что-то на ухо. Выслушав, бог грома и молнии побледнел и в растерянности опустился на засыпанную луковой шелухой табуретку.

— Имя, говоришь, поменяла? На какую ещё Аврору? Чушь и дурачество! Все имена лис из рода Бореалис начинаются на «И», это же тысячелетняя традиция! Ну ладно бы на «Ирину» поменяла, но Аврора-то при

чём? Имя лисы Бореалис — это ведь не просто имя, а часть заклинания! Неправильное имя означает неправильно произнесённое заклинание. А любая, слышишь, *любая* ошибка в заклинании — это катастрофа!.. Как «почему»? Да потому, что тогда каждое северное сияние лисы Бореалис будет пробуждать заколдованную нечисть, разве непонятно? Страшно представить, во что превратится наша несчастная Лиеска! Что теперь делать, спрашиваешь? Хвост лисий лишит волшебной силы — вот что. А это значит... прекратить северные сияния! Ох, Кюллики, это просто беда...

Укко вытер пот со лба и взглянул на бушевавшее в печи пламя. Ничего не поделаешь, нужно немедленно приниматься за работу. Тяжело вздохнув, он осмотрел свою полку со специями.

— Главное, не промахнуться с выбором, — бормотал он, перебирая баночки с порошками и сушёными травами. — Розмарин на лис не действует... гвоздика работает слишком медленно... может, кориандр? Хотя нет, кориандр даёт заклинание всего на год... Значит, будем следовать древней кулинарной книге. — Помедлив, Укко снял с полки три разноцветные баночки с какими-то порошками и вернулся к печи.

Пафф!

В пламя полетела щепотка красного порошка из первой баночки.

*Красный перец, взвейся ввысь!
Мне в огонь лиса явись!*

Повинуясь заклинанию, огонь в печи разгорелся сильнее, и в комнату повалил тяжёлый алый дым.

Когда он рассеялся, Кюллики увидела в пламени кирпично-рыжую лису с зелёными глазами и пушистым рыжим хвостом. Лиса исполняла какой-то танец, при этом её хвост стучал по поленьям, высекая цветные искры при каждом ударе.

Пуфф!

Укко бросил в пламя щепотку белого порошка из второй баночки. Поленья в печи подпрыгнули, пламя на секунду превратилось в плотный белый дым, от которого лиса закашлялась.

*Белый перец, белый дым!
Станет лисий хвост седым!*

Когда дым развеялся, в пламени танцевала кирпично-рыжая лиса с зелёными глазами и белым хвостом. Лиса продолжала стучать хвостом по поленьям, но цветных искр больше не возникало. Укко горестно вздохнул и открыл крышку третьей баночки.

Пыфф!

И щепотка чёрного порошка. На этот раз огонь яростно зашипел, из печи повалил чёрный едкий дым. Лиса заметалась, из глаз у неё покатались слёзы.

*Перец чёрный, словно ночь!
Изгони сиянье прочь!*

Теперь уже вся пещера наполнилась чёрным дымом, от которого у Кюллики защекотало в носу и заслезнились глаза. Дым подействовал даже на грозного бога грома и молнии — Укко чихнул три раза, затем усталопустился на табурет и тихо заплакал. Под ногой у него хрустнула головка чеснока. Бог грома и молнии

вздыхнул, поднял её и в сердцах воткнул в запеканку — прямо туда, где находилась деревня Лиеска. В тот же миг над горой Йвари сверкнула длинная молния, прогревел раскат грома и на едва припорошённую снежком деревню хлынул дождь.

Когда чёрный дым рассеялся, лисы в огне уже не было. Теперь это снова была обычная деревянная печь. И силы в волшебном хвосте уже не было, теперь это был обычный хвост, только седой. Лиса-отступница может махать им хоть до скончания века — сияний больше не будет. Укко вытер слёзы подолом фартука, открыл входную дверь и выпустил Кюллики в ноябрьский лес.

А в это время в уютной гостиной крошечного домика на краю деревни старая белка Марьятта разгадывала кроссворд, устроившись в кресле-качалке. Внезапно по стене комнаты заплясали алые блики. Марьятта взглянула в окно на тёмный силуэт горы Йвари и увидела ярко-красный огонёк, вспыхнувший словно в самой глубине горы. Спустя пару минут огонёк стал белым, а потом потемнел и потух. И тут же над горой ударила молния, прокатился гром, и на крышу дома обрушился сильнейший ливень.

— Никак Укко расшалился! Гроза в ноябре? — прошептала белка, вглядываясь в ночь. Но тёмная гора молчала, привычно охраняя таинства своих богов и колдунов от внимания деревенских жителей. Марьятта пожала плечами, откинулась в кресле удобнее и вернулась к кроссворду.

Глава 1,

В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ
С ГЛАВНЫМИ ГЕРОЯМИ
ЭТОЙ ИСТОРИИ, А ТАКЖЕ
ИХ СОСЕДЬЯМИ

Солнечным июльским утром фазанчик Олли проснулся от странных звуков — за окном кто-то пыхтел. Олли тряхнул хохолком, расправил крылья, потянулся и распахнул створки пошире: пыхтение сделалось громче, а вместе с ним из окна в комнату хлынул горячий воздух. В Лиеске стояла тридцатиградусная жара, от которой спастись можно было разве что в прохладной речке Виллийоки. Даже гора Ивари, казалось, страдала от зноя: камни-аметисты на её серых склонах поблёскивали, словно капельки пота.

Олли прислушался и попытался определить, проснулась ли старшая сестра, но в доме было тихо. Они уже две недели как переехали сюда из города, давно распаковали бесчисленные коробки и даже разложили почти всё в своих комнатах по местам, как просил папа. А мама попросила вскопать для неё грядку, и это они тоже сделали сразу, там и работы-то меньше чем на день, думали, в ней будет расти земляника или, ещё лучше, папайя... а мама взяла и посадила лук

и воткнула какие-то семечки — кажется, подсолнухи. Но Олли не успел всё это как следует обдумать, потому что дверь уже распахнулась и фазанчик Титта ворвалась в комнату.

— Слышишь? Кто-то пыхтит! И стучит. — Титта хлопнула крыльями и наклонила голову в сторону звуков. На ней была светло-голубая пижама в горошек, а на голове торчал точно такой же непослушный рыжий хохолок, как у младшего брата. — А, знаю, это наш сосед!

Олли тоже наклонил голову, прислушался и кивнул. Дом, куда они въехали, был на две семьи, вторую его половину занимал огромный, грозного вида мастиф. Вывесившись из окна, фазанчики увидели соседа, который прибавал какую-то табличку к своей входной двери. Правда, делал он это странно: три удара молотком — три приседания, три удара — три приседания. Закончив наконец работу, мастиф задрал голову и строго посмотрел прямо на фазанчиков. «Без дела не входить!» — предупреждала табличка Олли и Титту, а может, и вообще всех деревенских жителей. И подпись: «Раф».

Стараясь не шуметь, фазанчики, как были в пижамах, спустились вниз и вышли на крыльцо. Пыхтение продолжалось теперь уже в доме у Рафа.

— Фух, йи-их... Фу-ух, йи-и-их... Нее-ее-ет! — донеслось из-за двери, послышался глухой удар и вслед за ним протяжный стон.

— Ой, он там, кажется, упал! — Титта распахнула дверь и ринулась в жилище соседа, Олли еле за ней поспевал.

Раф, держась за спину, лежал на боку в гостиной и тяжело дышал. Он был в обтягивающем трико, с большими круглыми спортивными часами на лапе и в ботинках с острыми шипами. Детей он, похоже, и не заметил.

— Вам не больно? — Олли осторожно приблизился к соседу и дотронулся до шипа на ботинке.

— Две секунды... — с трудом просипел мастиф. — Две секунды... десять метров! — В его голосе неожиданно прорезались торжествующие нотки. — Два умножить на десять будет... двадцать! — Торжество сменилось унынием, Раф был явно разочарован. — Стометровка за двадцать секунд... А было время — я в пятнадцать с половиной укладывался и даже в пятнадцать с четвертью! Э-э-эх, как бы я разогнался, если б не спина... тьфу, если б не стена эта!.. А вам что тут надо?

— Стометровка? — переспросила Титта, с любопытством оглядывая гостиную мастифа. Вся мебель была сдвинута к стенам. В дальнем конце комнаты на полу была накле-

